

Нина
Абрамович

МУХА УКРАЇНЕ

Київ
2011

Нина Михайловна Абрамович Муха Ukraine (сборник)

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5816830

Абрамович Н. Муха Ukraine: Рассказы: СПД Павленко; Киев; 2012

ISBN 978-966-1645-49-2

Аннотация

Современная проза о киевлянах и москвичах. О нашей жизни, полной ярких событий, доходящих, порой, до абсурда. Героиня рассказов – обычная киевлянка.

В трагичном она видит смешное. Потому как феерически воспринимает жизнь и считает ее самым ярким приключением.

Тема книги до боли знакома нашему многострадальному народу: любовь, ревность, зеленая жаба зависти, жажда наживы, чувство справедливости и естественное стремление каждого человека к счастью.

Написано легко, живо, вкусно.

Книга оптимистична и преисполнена любви.

Содержание

Полная чернобурка!	4
Как я разводила мух	11
Убить микробов	19
Муха Ukraine	30
Убить узбеков	38
До Берислава далеко?	49
Особо опасная Люба	56
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Нина Абрамович

Муха Ukraine

*«Русское Радио» говорит: «Все будет хорошо!»
Почему будет? Все уже хорошо!*

*Моим читательницам – интеллектуальным
барышням.*

*.....Третьяков, Мамонтов, Терещенко, Дмитрий
Лосев...*

Полная чернобурка!

Двухлетний Степочка восседает в детском кресле на заднем сидении джипа.

Одет он с иголки.

Джинсовый костюм от «Кавалли». Кожаная обувь от «Балденини». Бейсболка «Адидас». В руках пачка чипсов с креветками.

Тридцатилетняя няня Ира сегодня в отгуле. У нее вечные проблемы с сожителем Гошей. То любит, то не любит.

И Степочка сейчас с мамой.

Его мама, двадцатилетняя Адель, сидит за рулем джипа.

Цветная птичка колибри красуется на ее запястьи. Другие яркие татуировки украшают ее шею, оголенный живот, по-

ясницу, лодыжки.

Малиновые губы, неестественной полноты, сложены в капризном изгибе.

Одета Адель во все модное, яркое, эпатажное. И чем-то похожа на Леди Гага.

Леська, подружка, с загаром цыпленка гриль. Цедит коктейль из горла бутылки. Глаза красные, утомленные от ночной жизни. Волосы блеклой паклей от никотина.

Но все равно хороша, зараза! Схожесть с Анжелиной Джоли поразительная!

Между девчонками, на панели джипа, как капитан на мостике, стоит китайская хохлатка. Это Дульсинея. Дунька. По паспорту Дунфан.

Совершенно лысая порода собаки. Уши торчком, в белых перьях. На лбу такой же хохолок. Тоненькие длинные ножи.

В серебряном комбинезоне. На ногтях маникюр серого цвета.

Похожа на конька-горбунка.

В салоне накурено. Девчонки щебечут о своем, девичьем. О Никите, Сереге, Максе...

О ночном клубе, дискотеке.

– П...! Никита вчера уехал с какой-то телкой и телефон отключил.

– На фиг он тебе сдался! Серега не хуже этого пижона.

– Б...! Серега меня достал своим нытьем! А Макс оторванный! Кончит от передоза, – смачно зевает Адель.

И девчонки делятся впечатлениями о минувшей ночи в клубе «Арена».

До Степочки никому нет дела. Никогда. И он, предоставленный сам себе, курлыкает.

Курлу-курлу-курлу...

Природа берет свое.

Курлыкать он начал совсем недавно!

– П...! Когда же Степа начнет говорить! Ирка – с...а, совсем с ним не занимается. В голове только ее этот хахаль. Надо другую няньку искать! – спохватывается Адель, слыша речь сына.

– Курлу-курлу-курлу! – старательно откликается Степа на материнские слова.

– Сынок! Скажи нормальное слово! Скажи Ма-ма! – оборачивается Адель к сыну.

Б...! Хватит чипсы жрать! Опять весь салон обблюешь!

Степа плачет. Леська его успокаивает, гладит по щеке.

Уже полгода Леська живет у Адели, вдвоем, в ее роскошной квартире, в центре Киева. Поправилась даже от еды, которой здесь вдоволь. Живет в качестве подружки, компаньенки.

У Адель есть деньги. Их ей регулярно дают папа – банкир, мама – галерейщица и бабушка-реставратор. Они живут отдельно.

Они все в работе, в хлопотах, им всегда некогда.

Высылает алименты и бывший муж, теннисист.

Адель ни в чем не отказывает ни себе, ни подружке Леське. И дважды за лето они были на море.

Познакомились на свадьбе у общей приятельницы. У них оказалось много общего.

А Леська – душа компании, рассказчица, юмористка. С ней было весело и беззаботно.

После свадьбы Леська поехала к Адели и так у нее и осталась.

Спали вместе, на одной постели, как лесбиянки. Рядом спала хохлатка Дунька.

Спали днем. Ночами прожигали в «Арене».

– У нас самая обычная лесбийская семья. Только без секса. И под разными одеялами – смеется Адель.

Леська за полгода раз шесть являлась домой, к матери. Приносила еду элитную: моцареллу, семгу, инжир, пахучие персики.

Ночевала в своей спальне, отдыхая от прокуренных клубов.

– Как у тебя, мамочка, чисто! А у нас, в квартире полный бардак! Ничего найти не можем.

Мать ходила на цыпочках, продлевая исцеляющий сон дочери. Поила ее травяными настоями. Мягко увещевала про вред никотина, про страшные последствия от такой несправедной жизни.

Леська затыкала уши, слушать не желала.

К вечеру звонила Адель. Она сообщала, что такси вызва-

но. Через пять минут будет возле дома Леськи.

Леська спохватывалась, чмокала мать и уезжала.

Обещая не курить, вредного ничего не есть и ночами спать.

И снова жизнь бурлила, прожигалась в ночных угарах.

Степочка был у няни. Няня мысленно была с Гошей. Ей было не до ребенка.

Но Степа начал курлыкать. Курлу-Курлу-Курлу...

Дунька днем спала вместе с девочками. Ее никто не выгуливал. Она это делала сама. На коврик у порога.

Как-то Леська пришла домой с Дунфаном на руках.

– Она у нас поживет неделю. Адель срочно улетела в Москву, к жениху. Вот, мы собрали все, что успели.

И Леська выложила из пакета сухой корм «Чаппи с говядиной».

– Это китайская хохлатка. Она не гавкает, все время молчит!

Леся поставила хохлатку на пол.

– Ух, ты! – Мать разглядывала дивную собаку.

На горле ошейник с камнями «Сваровски». На бедре цветная татуировка. Череп с костями. Одета собака в леопардовый комбинезон с серебряными вставками и с шиншилловым капюшоном.

– Кстати, собака беременна, вот-вот родит. От элитного кобеля, чемпиона Шанхая. Щенки стоят по две тысячи долларов. Адель мне обещала подарить одного. Мы его прода-

дим, и ты заплатишь долги по квартире.

– Но ее надо кормить творогом, мясом.

– Адель дала деньги на собаку. – И Леся убежала к подружкам по двору.

Мать целый день провела с собакой. Выгуливала ее в саду, у дома. Собака старательно ела траву.

Хохлатка была на редкость унылой, ни разу не подала голоса. Тяжело двигалась, часто дышала, высунув язык.

Мать беспокойно поглядывала на собаку.

Очевидно, ей жарко в этом комбинезоне!

– А можно ли совершенно лысой собаке под палящим солнцем? Ведь она обгорит!

Откуда мне знать? Собаку приволокли. Дорогую и беременную. А инструкцию к собаке не дали, – думала озабоченно мать.

К вечеру, раздев псину, мать увидела поджарое брюхо и раздувшиеся соски. В них было молоко. В глазах тоска.

Дочь в зоне недосягаемости. Адель в Москве.

Новорожденные щенки где-то в квартире. Две тысячи долларов за штуку.

Джип мчится по шоссе на хорошей скорости. Адель любит риск, адреналин.

– Ура! – свобода! – кричит Адель.

– Йо-хо-хо! – в экстазе вопит Леська.

На Южном мосту нет пробок.

Внизу серебрится Днепр, залитый солнцем. Ублажает гла-

за зелеными островками, заводами с желтыми кувшинками, лодками рыбаков, золотыми маковками церквей на правом берегу.

Вжих...! И джип догоняет мерс! И сзади грохот, въехавшей в джип Хонды. Визг тормозов. Черные следы протекторов.

Дунфан с маникюром всмятку влипает в лобовое стекло. Девчонок откидывает назад. Спасают ремни безопасности. Глохнет мотор. Мертвое молчание.

И вдруг сзади четкое слово: п...!

Степа изрек свое первое слово.

– Степочка, зайчик! Радость моя! Наконец-то! Ты начал говорить!

Адель обливается слезами счастья.

Леська посылает воздушный поцелуй интересному водителю мерса.

Как я разводила мух

Моя одноклассница Ксюха уговорила меня подменить ее на работе. Продавать воблу на ярмарке выходного дня около метро Чертановская.

Я сначала сопротивлялась. Тележурналист и рыночная торговля!

Но Ксения посулила 2 тысячи рублей за выход! Для украинца, приехавшего только что в Москву на заработки, это, пожалуй, большая удача. А Богдан, тоже мой одноклассник и редактор газеты чертановской префектуры, поручил написать репортаж.

Я согласилась.

– Машенька! Солнышко! Работа не пыльная! – напутствовала подруга, выгружая мне под ноги ящики с вяленой рыбой из Астрахани.

– Разложи товар красиво и... улыбайся! А у меня с Вадиком свидание, ну, ты же понимаешь...

Твоя задача – продать всю рыбу. Ты же телезвезда! Актриса! Значит, царствуй на этой сцене! Все. Цем. Пока!

И вот я один на один с грозным монстром под названием рыночная торговля.

Палатка. Стол. Стул. Весы электронные, заморские, китайской фирмы «Меркурий Вань-Юань».

По соседству, слева от меня, фермеры из Орловской об-

ласти, два упитанных мужика. На их витрине все красиво и дорого: грибы, ягоды, мед, овощи.

Раскрываю свои ящики. Мама родная! Тут не только вобла! Здесь лещ, окунь, щука, кальмары. Значит, и я не буду выглядеть сироткой. Приосаниваюсь. Одергиваю оборочки на переднике. Актриса!

Раскладываю товар по подносам, в соответствии с приклеенными на них ценниками и названием. Надеюсь, не перепутаю леща с воблой!

Воблу веером, серебристым бочком кверху, в несколько рядов. Ого! 380 рублей за кило! Куры дешевле!

Леща, жирного, вяленого один на одного, стройной пирамидой.

Окуня – красными плавниками к зрителю, фу ты, к покупателю!

Щуку – зубастой пастью.

Кальмара – аппетитной горкой.

Одну самую большую щуку подвешиваю над куполом палатки, чтобы издалека видно было! Сцена, то есть, витрина, готова! Улыбку на лицо!

Обхожу рабочее место со всех сторон. Чего-то не хватает. Чего же? Вроде рекламы!

Вырываю листочки из тетрадки по актерскому мастерству тележурналиста. Надо чего-то сочинить. Пишу.

Щука – королева Волги! Окунь – хищник, гроза мелочи пузатой.

Вобла? Чем же она замечательна? Бабушка рассказывала, что раньше в Москве за воблой очереди выстраивались, как за хлебом.

Значит, пишем, не мудрствуя лукаво, «Вобла из Астрахани – мечта москвичей».

Лещ... Чего же написать про леща? Ну, вяленый, жирный. Это и так видно. А что бы продать рыбу, надо привлечь покупателей.

Лещ. Лящ. Лещь. Последний вариант мне явно нравится! А почему бы нет? Грамматическая ошибка. Крючок для пытливого ума.

Смело добавляю мягкий знак. Лещь.

Довольная витриной, иду за прилавок. Стою. Сижу. Хожу. Время идет. А народ все мимо. Равнодушно смотрит, починая мои рекламные опусы и уходит. И ошибки будто не видит. Даже обидно! Поголовная безграмотность? И это в Москве?

А рядом идет бойкая торговля овощами и фруктами. Фермеры с Орловской, Тульской, Кировской областей выставили свои дары природы. Народ собирается в очереди.

А у меня пусто. И тут я вижу, что мою рыбу облепили мухи. Машу на них рукой.

– Кыш-кыш! Бесполезно. Рой мух со всей округи слетелся на мой товар.

Срываю ветку березы кудрявой. Стою над рыбой, как негр с опахалом.

Тормозит мужчина в очках. Это, должно быть, мой первый покупатель. Рассматривает витрину. Меня, стройную, красивую. И поступательные действия моей руки с веткой березы кудрявой.

Я напрягаюсь. Я в стойке, как охотничья борзая. Передо мной дичь. Сейчас она станет моей добычей! Купит у меня килограмм леща жирного.

Но Ксюха предупреждала, нагружать покупателя нельзя, спугнешь. Мужик молчит. Я не выдерживаю.

– Мой товар привлекает мужчин и мух, – говорю я несмело.

– Вот именно. На что мухи обычно садятся? – И покупатель уходит к палатке к Орловским мужикам.

«Неудача – это начало побед!» – говорил мой преподаватель по психологии.

И я полна оптимизма. Улыбка до ушей.

– Девушка, вам не помешает пройти курс массажа, – у прилавка нарисовался молодой парень с серьгой в ухе.

– У меня нет денег – отшиваю его сразу.

– Можно бесплатно – вяло сопротивляется он.

– Спасибо. Лучше купите у меня ящик воблы! Покупателя словно ветром сдувает.

Что за мелочевка у меня клюет! Но меня не сломить. Поправляю «витрину».

Лещь, вобла, окунь, щука. Глаза искрятся. Улыбаюсь. Царствую на сцене.

Народ все мимо.

Жирный лещ так и просится в руку. Беру его, нюхаю. Запах! На весь базар. Я понимаю мух! Начинаю чистить, отрывая чешую, срываю кожу. Под ней икра, плотный оранжевый пласт. Вкус – не описать!

– Мяс! Мяс! – К моей палатке, через всю рыночную площадь несется, задрав облезлый хвост, бродячий кот. Взбирается, нахал, ко мне на колени, впиваясь когтями. Тычет грязной мордой в ладони. Требуется рыбы. Отдаю ему хвост леща вместе с пузырем.

Вместе с котом Васькой аппетитно едим рыбу. Мой товар привлекает мужчин, мух и котов!

Тормозит мужик с открытой бутылкой пива.

Смотрит на нас заинтересованно. Я молча протягиваю ему ребро леща. С пивом в самый раз! ...Мух, котов и алкоголиков!

– Я Витя – предлагает мужик мне бутылку пива. – А тебя как зовут?

– Нет, нет, спасибо. – Мария.

Когда пиво допито, Витя уходит, обещая прийти завтра и привести ко мне полк собутыльников с соседнего двора.

– Тысячу рублей давай! – передо мной вдруг вырос шустрый рыжий парень в светлом льняном костюме.

– Чего?

– Глухая? Бабки гони. Или иди, дыши на свежий воздух!

– Ты, что? Рекетир? Так, вроде, не 90-е годы! Сейчас вызо-

ву милицию. Загребут за вымогательство. Тяжкое преступление, между прочим. Мало тебе не покажется.

– Ну, все. Ты свободна от рынка.

– Слышишь, мальчик! – говорю нарочито громко, – я тут на задании. Журналист меняет профессию. Репортаж готовлю о ярмарке выходного дня. Ты тут главный герой. Ответь мне на пару вопросов! Пока менты едут.

– Да пошла ты...

Парень зло сверкает глазами и уходит к другой палатке, собирать дань.

Фермеры с Орловской губернии тут же мне жалуются, как представителю СМИ, что рекет здесь обычное дело.

– В день по штуке рублей Рыжий собирает с палатки. И даже, когда мы уезжаем домой в Мценск, на три дня, за товаром, то все равно платим за место за эти три дня. А палаток на рынке 30. Вот и считай!

По радио, телевидению объявляют, что ярмарка выходного дня бесплатна для фермеров. Поэтому и товар должен быть дешевым!

– Привозите свою продукцию для москвичей. Мэр города, администрация Москвы и Фирма ООО «Малена» приглашает!

А на деле рекет в лице Рыжего, собирает дань. Поэтому москвичи и плюются, ярмарка-то дорогая!

– А вы не платите.

– Нам легче заплатить, чем воевать с ними, коррупция

редкая! – Заключили Орловские...

Я пожимаю плечами. Каждому свое.

Слева от меня торгует Надя, из Чернигова. Землячка! Реализатор мясопродуктов: окорока, буженина, колбасы, сыры. Холодильная витрина у нее не работает. И весь товар ее тупо пропадает на этой жаре. Наде 40 лет. А выглядит на 50. Ездит в Москву уже 16 лет, с момента рождения своего сына. Неделю дома, три месяца в Москве. Живет в трехкомнатной квартире на 12 человек. В Италию не хочет. Здесь можно больше заработать. Дома муж уже дом отстроил. Так и живут. Уже привыкла. У Нади очередь. Умеет всучить доверчивым москвичам испорченный товар.

А потом отравления, жалобы в отдел по защите прав потребителей. Вечная борьба продавцов с покупателями.

– Ну, что, журналистка! Хватит мух разводить! Вот тебе спаситель. Передо мной появляется Рыжий рекетир с вентилятором в руках.

Включил его в удлинитель, и мух сразу ветром сдуло.

– А, скажите, барышня, почему вы такая безграмотная? Вы разве не учились в школе? Это же профанация великого и могучего русского языка! Лещ какого рода? – возле меня вырос статный мужчина в очках.

Ну, наконец-то! Выстрелило! Реклама сработала. Ко мне приплыла крупная рыба.

Я позволила интеллектуалу высказаться. Говорил он громко, наставительно, привлекая внимание прохожих.

Товарищ оказался профессором лингвистики МГУ, ранее готовившим речи для Ельцина.

Он с полчаса давал мне уроки грамматики и стилистики. Приводил известные мне примеры неграмотности:

«Подъезжая к перрону, у меня слетела шляпа» – это классический образчик безграмотности! – В запальчивости вещал спичмейкер.

Машенька! Деепричастный оборот предполагает рядом глагол. А здесь его нет. Но вы, деточка, не первая! Даже в теленовостях, на первом канале, порой, мелькают подобные ошибки, – втолковывал мне ученый дядечка.

В идеале должно быть иначе, например: подъезжая к перрону, я обронил шляпу!

Рыбу он у меня не купил. Зато палатку окружили зеваки. Мой товар уже был свободен от мух. И дело пошло. К концу дня я распродала почти все.

Ксюха выдала мне обещанные деньги. Я получила массу неизгладимых впечатлений, а так же этот сомнительный репортаж, который завтра дам в газету.

Убить микробов

Маша перечитала объявление в Интернете еще раз. Оно показалось ей многообещающим. Интуиция подсказала, что здесь скрывается крупная дичь.

В загородный дом, с проживанием, приглашалась домработница. Строго до 35 лет. Ростом от 175 см. Милой внешности. С высшим образованием. С позитивом. Со знанием большого репертуара украинских народных песен. С приятным сопрано. И с особым отношением к гигиене.

Деньги сулили жалкие для такого набора достоинств. За 30 тысяч рублей наниматель хотел иметь домработницу, модель, интеллектуала-собеседника, психотерапевта, да еще и певунью-фольклористку.

Марию разжигало профессиональное любопытство. Что за персонаж скрывается за этим объявлением? Зачем такие требования? С позитивом ясно. Не каждый захочет видеть у себя в доме хмурую личность. С красотой и молодостью тоже понятно. Дизайн интерьера не должен вступать в диссонанс с экстерьером служанки. Понятно и желание перекинуться словом с человеком умным, нежели со жлобом.

Но почему прислуга должна уметь петь песни? Ягоды в саду что ли собирать? И не мучить хозяина однообразием репертуара? И что это еще за особое отношение к гигиене?

Маша набрала номер телефона. Трубку взяла женщина.

Она объяснила, что помощница по хозяйству нужна именно ей. И тут же поинтересовалась, как соискательница относится к вопросам гигиены. Поскольку, борьба с микробами – это на первом месте в подборе домработницы.

– Очень щепетильно, – начала сочинять Мария. Мое утро начинается с влажной уборки. Я просто помешана на санитарии. Ручки дверей, выключатели – все это я протираю ежедневно. У меня полочка в ванной, до потолка, забита средствами гигиены! Ни один микроб не прощмыгнет!

– А всем остальным требованиям в объявлении вы соответствуете? Да?

– Конечно! Молода. Хороша. Университетский диплом. Песни пою. Жизнерадостная я, аж через край!

– Тогда, думаю, что мы с вами найдем общий язык. Моя домработница Наталья рассчитывается, срок ее контракта закончился.

И женщина продиктовала адрес. Дачный поселок Зарница, улица Сосновая... Добираться на электричке от м. Тушино до Нахабино. Оттуда на такси 10 минут.

Мария быстро оделась. Бросила в сумку песенник – почитать в дороге! Путешествие обещало быть захватывающим.

Дачный поселок Зарница утопал в заснеженных соснах. Двухэтажный роскошный дом, из свежего сруба, был обнесен высоким забором. Маша позвонила.

– Когда вы зайдете вовнутрь, то увидите под ногами гидрочистку. Тщательно обрабатывайте ноги, – услышала гостья

голос из домофона.

Ворота плавно отъехали, и девушка оказалась внутри террасы.

В каменный пол была вмонтирована решетка, с щетками и фонтанчиками. Мария помыла подошвы своих сапожек. И направилась к дому.

Двери открыла домработница. Она была в халате белого цвета. Отутюженном и накрахмаленном. На нем, сверху был одет клеенчатый передник. На руках белые перчатки. На лице – намордник из марли. На голове шапочка, похожая на ту, в которой обычно принимают душ. В глазах надежда на спасение.

– Наташа, – улыбнулась несчастная. – Вы ничем не болеете? Точно? Подождите. Сначала протрите руки. Вот вам спирт. Оденьте вот эту марлевую повязку и сланцы.

Сердце Марии восторженно забило. В предвкушении выгодной сделки с Валеркой– Шкафом. Такое состояние понятно охотникам, рыбакам, а так же коллекционерам. В сачок попалась крупная рыбина!

Маша с готовностью напялила на нос намордник, переобулась.

Резиновые сланцы, блистающие чистотой, предвещали дальнейшие впечатления на тему «убить микробов».

– Подождите немного. Ксения Алексеевна обедает, – извиняющимся тоном сказала домработница.

– Нет. Пусть зайдет, – послышался голос хозяйки. Девуш-

ка переступила через порог коридора в огромную, шикарную гостиную.

Роскошная мебель, камин, канделябры. На диванах и креслах белые простыни. На подлокотниках салфетки. Сияющая чистота. Ничего лишнего.

Прислуга указала на стул, стоящий у входа. И, извиняясь, заулыбалась. Стул был застелен белой простыней.

В глубине гостиной, за столом, сидела маленькая, круглая, как шар, женщина, лет 50-ти в домашнем халате. Она жевала апельсин. Маша поздоровалась и скромно присела на стул, потупив глаза.

Жевание затянулось. Гостья в полглаза наблюдала картину. О ней будто забыли.

Прислуга хлопотала у стола. Подавала салфетки. Убирала кожуру. Барыня капризничала, махала на нее ручкой.

Наконец, она закончила трапезничать. Молча протянула обе руки к Наталье и та помогла ей подняться. Довела до центра гостиной и усадила в кресло.

– Теперь мы можем разговаривать, – сказала женщина – шар, устремив на соискательницу глаза.

Мария заулыбалась через намордник, встала со стула, желая подойти к ней ближе.

– Нет! Нет! Сидите на месте! Вы с улицы, это опасно! Я боюсь микробов.

Маша села на место, продолжая оптимистически лыбиться.

– Кто вы? Что вы? Какое у вас образование? Есть ли рекомендации? Какие знаете украинские народные песни? Рассказывайте.

– Меня зовут Мария. Я очень позитивная. Я уже говорила. Образование высшее. Я умею петь, – схитрила Маша. – В семье не работала. Но, эта, новая для меня роль, мне интересна.

– Спойте что-нибудь.

– Червону руту не шукай вечорами, ты у мене єдина... – запела Маша песню от Софии Ротару.

Барыня мечтательно закатила глаза, подперев лицо руками.

– А еще? Ой, на горе два дубки! Знаешь? И женщина-шар начала душевно петь украинскую песню. Маша, знакомая с украинским фольклором, начала подпевать.

– Ну, хорошо! Петь ты умеешь. Голос приятный. Что не знаешь, научу. Я родилась в Киеве. Но в Москве с 18 лет. Я люблю украинские песни. Мы будем с тобой петь в два голоса.

– Я еще вышивать умею, – закинула удочку Маша.

– Нет. Это лишнее. Нитки... Пыль!

Маша чуть не поперхнулась. От радости.

– Ты видишь, я человек в возрасте. Мне 60 лет. Мне нужна помощница.

– Я к вашим услугам. Я готова. Расскажите, что надо делать.

– Делать надо все. Уборка в доме. Наталья покажет мой шкаф со средствами санитарии, – в глазах барыни зажглась искра гордости. Стирка, глажка. Стирать надо ежедневно. Мне нужны в день 6 свежих простыней, 8 полотенец, 12 салфеток.

Каждое место санобработки требует свою униформу. В санузлах у тебя один халат. В спальне другой. Гладить будешь в фартуке для глажки. На кухне, естественно, будет еще один халат. На голове строго косынка. Всегда!

Руки мыть каждый раз после разных дел. Дотронулась до носа, вымой руки. Взяла телефон, обработай пальцы. Там хлороформ, хлор-гексидин, спирт – всего полно!

– Ну, это я справлюсь! Микробы будут бедными.

– Вот, это наш человек, Ксения Алексеевна, – понимающе заговорила домработница.

– Да, тут у вас такая стерильность! – В отместку похвалила прислугу Маша.

– Стерильность обманчива. Возьми микроскоп, и все микробы на месте. Летят подлые! Глаз да глаз нужен, – распалилась барыня. – Дышать в квартире только через марлевую повязку. И постоянно проветривать окна.

– Простите, где мне спать и как мне кушать? – робко спросила Маша.

– Насчет тебя. Твое место во дворе, в гостевом домике. Питаться ты будешь там же. В холодильнике у тебя есть треска, хек. Мне будешь подавать семгу, икру. Из мяса тебе ку-

рица. Мне мраморное мясо. Из фруктов, тебе яблоко, морковь. Мне киви, апельсины. Ну, я же больной человек! У меня вон аптечка полна лекарств. Это тоже в твоей обязанности – давать мне лекарства по расписанию. Запишешь все на листочке! Ты готова?

– Конечно!

– Тогда завтра же иди, сдавай медосмотр, как для пищеблока.

– А как это? – напряглась Маша.

– Рентгенолог. Нет ли у тебя туберкулеза. Венеролог. Кровь на РВи. На грибковые заболевания. Ну, это ты, наверное, знаешь! Инфекционист. Что бы исключить паратиф, стафилококк, паразитов. Психиатр. Стоматолог. Полное обследование!

Запиши адрес. Ул. Косицкая д.3. Кожвендиспансер № 15.

Анализы там делают за пару дней. И не вздумай купить справку! Я пришлю после шофера, он проверит твой медосмотр на подлинность.

Человек, который будет за мной ухаживать, должен быть здоров. Ой, ты меня утомила.

– Наташа, покажи дом и все расскажи.

Наташа, не снимая намордника, повела Машу на второй этаж.

– Не прикасайтесь к перилам, панически зашептала домработница и тут же протерла влажной салфеткой то место, куда дотронулась Маша.

Поверхность перил деревянной лестницы сверкала перво-
зданной чистотой.

– Вот спальня хозяйки – Наталья с гордостью распахнула
комнату.

Кровать. Столик, кресло. Белые накидки-покрывала. Все
сверкало чистотой. Через открытое настежь окно в комнату
врывался кислород. И был настоящий русский дубак.

– А вот санузел. Это только для Ксении Алексеевны. Не
перепутайте! – Наталья многозначительно подняла глаза к
небу.

Маша обвела взором сверкающий унитаз, раковину, джа-
кузи, полочки с полотенцами, средствами гигиены.

Здесь от всего веяло хирургической стерильностью.

А это кладовая комната. Здесь вся бытовая химия, мою-
щие средства. Перчатки. Это гордость хозяйки.

В комнате, размером в 18 квадратных метров, находились
стеллажи из красного дерева. От пола до потолка. На полках
красовалась вся палитра отечественной и зарубежной быто-
вой химии.

– Разберусь, Наташа! А Ксения Алексеевна кто? Врач?
Профессор?

– Нет. Она актриса. В театре работала.

– Помещиц играла?

– Подозреваю, что гувернанток! Теперь барыню из себя
строит. – И Наталья добродушно рассмеялась. – Вы справи-
тесь. Привыкните! А у меня уже контракт закончился. Я тут

нахожусь уже по доброй воле. Пока замену не найдут. И сразу домой, в Луганск.

– А откуда такой дом шикарный? И кто оплачивает ее капризы?

– Это у нее внук крутой. У него бизнес.

– Понятно!

Они спустились в гостиную.

– Ну, как? Видела объем работы? Вопросы есть? – Спросила барыня.

– Есть. Халаты-фартуки на разных участках борьбы с микробами меняете. А обувь одна?

– Да?! – хитро уставилась на Машу барыня.

– На ноги нужны бахилы – пояснила Маша.

– А я вам что говорю! Наш человек! – расцвела домработница.

– Бахилы говоришь? А у нас они есть. Наталья! Подай! Вот, обувайся!

Маша обулась в бахилы из синей полиэтиленовой пленки.

– А теперь давай-ка потренируемся. Как ты сможешь меня на второй этаж доставлять. Рост у тебя, вроде, подходящий.

Наташа, одень ее в халат! Шапочку дай.

Маша облачилась в хрустящий от крахмала белоснежный халат. Спрятала голову под шапочку для душа. Взяла под руки барыню, и они начали медленное восхождение вверх.

– Песню пой! «Ой, на горе два дубки!» Только не дотрагивайся до перилл! – Скомандовала хозяйка.

Маша ощутила на себе тяжесть женщины-шара. Грузная и неповоротливая барыня всей массой своего тучного тела навалилась на тощую Машу. Спина девушки тут же взмокла.

Маша, словно рыба, молча открывала рот. Песня застревала в горле. Бремя груза тянуло вниз, назад.

До конца лестницы было еще три ступени.

Маша подняла ногу, но гладкий полиэтилен бахилы соскользнул с опоры, и она потеряла равновесие.

С грохотом и воплями вся эта дикая конструкция скатилась кубарем вниз.

Врачи констатировали перелом ноги у хозяйки. А у Маши перелом руки. Машу уволили, еще до принятия на работу. По профнепригодности.

Через пару недель, когда Маша пришла в себя, она набрала телефон Валерки-Шкафа.

– Ну, что, Шкафчик! У меня для тебя есть ценный экземпляр. На тему «Коллекция Изумительных Личностей». Но, дешево не отдам. Тем более, я тут сильно пострадала в процессе знакомства с ним. Руку сломала, когда с лестницы падала. Камера и это зафиксировала. Теперь вот в гипсе.

– Вези, – строго сказал Шкаф.

Маша поднялась лифтом на этаж, где располагалась Останкинская редакция документального телевидения.

Валерка-Шкаф, ее однокурсник по тележурналистике, а теперь собственник развлекательного канала, покупал у нее видеоматериал для своего нового реалити-шоу.

Отсмотрев диск, Шкаф удовлетворенно хмыкнул, отсчитал Маше затребованный гонорар. И велел найти еще что-то на подобную тему.

Муха Ukraine

*Вы продавали картины Шишкина или Айвазовского?
О! Это такой адреналин!*

Звонит мне Леся.

– Маша, выручай! У меня полный завал. С работы уволили. Завтра платить за квартиру. А у меня в кармане один жетон на метро. Можешь ко мне приехать?

Леся – моя подружка. О том, что у нее полный завал, я понимаю уже в тот момент, когда слышу ее голос. Леся звонит мне исключительно, когда у нее все плохо. В минуты радости звонка от нее не дождешься.

Леся библиотечкарь. По образованию. Но по профессии не работала. На зарплату библиотечкаря, без своего жилья, вряд ли проживешь в столице Украины Киеве.

Леся снимает койку в однокомнатной квартире, у метро Дарница. И работает, где придется. То официанткой, то продавцом на лотке.

Гонимая искренним желанием помочь подруге я еду на Дарницу.

Захожу в подъезд. Мама родная! На стене, вижу, две картины. Пейзажи. Очень миленькие. Торможу. Вернее, делаю стойку, как охотничья борзая, почувствовавшая добычу.

Рассматриваю пристально. На одной картине изображена

дубовая роща. На другой море, штормящее, сине-зеленое. Холст. Масло. Где-то 50 сантиметров на 35. Картины, явно, не вчера писанные. Обе без подписи.

– Чьи это картинки? – Равнодушно спрашиваю у консьержки, веселой колоритной хохлушки.

– Та, ничьи. Игорь з 23-й кимнаты их на мусорку повыкидав. Сьогодни, у обид. Ремонт дома почав. Усе лишнее вынес. А я пидибрала, та повисыла на стинци. Щоб гарно було!

Мне стало очень неудобно. Что-то здесь неправильно. Деньги висят на стене.

Бесхозные. Типа, народ любитесь! Картинную галерею устроили в вонючем подъезде!

– Отдайте мне эти картины. Я собираю такое.

– Та, берить! Но, сначала запытайте у Игоря, – простодушно отвечает консьержка.

Меня охватывает волнение, знакомое охотникам, рыбакам и коллекционерам. На пыльной стене, в подъезде, висят неопознанные раритеты, которые стоят денег. А у Леськи денег совсем нет, да и у меня их «кот наплакал».

Подымаюсь к Леське.

– Ты Игоря знаешь из 23-й квартиры? Пойдем сейчас к нему.

– Зачем?

– Ты сейчас вопросов не задавай, что бы ничего не испортить. Сейчас я тебе мастер-класс преподам. Как делать бабки на ровном месте.

Сколько ты хозяйке должна?

– Машка! Я в тебя верю. Но откуда деньги?

– Пошли!

Мы спускаемся этажом ниже и звоним в дверь. Открывает молодой мужик. В облегающих трусах. Вот жлоб! Хоть бы прикрылся. Лицо гомо-сапиенса, не обремененного ни этикетом, ни любовью к художественным ценностям.

– Вечер добрый, Игорь! Меня зовут Мария. – Начала я, почти с усилием заставляя себя не смотреть ниже пояса собеседника. Я подруга вот... Леси, вашей соседки.

– И чего надо?

– Мы с Лесей хотим организовать нечто, похожее на малую картинную галерею, дома у себя. А на стене, в подъезде, висят ваши картинки. Вы могли бы нам их отдать?

– Отдать? Гм... Они же чего-то стоят?

– Ой! Если бы это был Шишкин или Айвазовский – они бы чего-то стоили. А так – это дрова, неопознанные объекты, тем более, без подписи.

– Ну, вы же пришли за ними. Значит, они стоят чего-то, – начал ломаться мужик, почуявший, что запахло деньгами.

Леся, знавшая о моих коммерческих талантах, наконец, въехала в суть дела. И в ажиотаже встряла в разговор.

– Игорь! Тебе что 100 долларов помешают? Или 200! Мы, честное слово, с тобой рассчитаемся.

– Ну, уговорили. За 500 долларов я согласен.

– Благотворительница! Мать Тереза! – Набросилась я

мысленно на Лесю. – Сорит еще незаработанными деньгами! Мужик выбросил их как мусор. А она ему деньги!

Но, Игорю я скорчила милую улыбку.

– Спасибо. Они этого не стоят. Пусть висят в подъезде. – И, схватив Лесю за руку, я решительно иду к лифту.

– 300! Остановил нас Игорь.

– 100! И в нашей галерее вы навсегда останетесь первым меценатом.

– Ну, тогда пусть висят себе в подъезде.

– Хорошо. Сначала мы отнесем их к эксперту, а потом решим...

В присутствии Игоря мы сняли со стены картины и отправились к Славiku Фальшаку, держащему дома картинную галерею из фальшивых шедевров.

Славик равнодушно взглянул на наши раритеты.

– По 50 долларов, может, и дадут за них. Не больше! Такого дерьма на блошином рынке можно нарыть немерено! Могу взять по 20 долларов за штуку.

– Спасибо. Мы хотим дороже.

Негативный прогноз Славика не остудил моего энтузиазма. Наоборот!

Как любой холмызер, Славик брал антикварные картины за копейки и продавал в десять раз дороже. Не брезговал он и подделками. Фальшивок на стенах его квартиры было 90 процентов.

Мной двигала уверенность, кураж, озорство. Я не сомне-

валась, что я продам эти картины. Картины – это товар. А на любой товар всегда найдется покупатель.

На Андреевском спуске, достопримечательности города Киева, было уже мало людей. Народ вяло рассасывался. Вечерело. Продавцы сворачивали свои витрины. Современные картины, ковры, народные поделки...

Я взяла обе картины в руки и громко начала рекламировать.

– Шишкин! Айвазовский! Кому Шишкин! Кому Айвазовский! Продаются шедевры!

– А, может, не надо такое говорить? Давай просто тихонько постоим, – начала комплексовать Леся.

– Если мы будем тихонько стоять, нас тихонько будут и обходить. Реклама – двигатель торговли!

– Может, что-то скромнее придумать? Зачем такие имена? – засомневалась моя партнерша по бизнесу. Зачем так лихо? Ты, прям, как пирожки продаешь!

– Ты лучше мне помогай! Игорю 300 долларов отдавать кто будет?

Подружка, стесняясь и смущаясь, следовала за мной.

– Шишкин! Айвазовский! Кому Шишкин?

Мы источали положительные эмоции. Позитивную ауру. Собирающийся по домам торговый люд понимающе улыбался.

Вдруг у нас за спиной выросли две мужские фигуры.

– Девочки! Покажите ваших Шишкина и Айвазовского!

– Пожалуйста! Только, вы же понимаете..!

Двое мужчин были вполне интеллигентной внешности. Один из них, высокий, круглый, под два метра, оказался гостем из Америки. Коги.

Второй, мелкий, наш, переводчик. Степан.

Американец взял в руки картины. Осторожно перевернул их. Вид сзади внушал доверие. Мы впопыхах даже не сняли серую паутину, в которой запуталась высохшая украинская муха. Как знак аутентичности наших раритетов!

Цокотуха была обворожительна и антикварна.

Коги даже причмокнул, глядя в упор на этот энтомологический гербарий. Наверное, именно эта высохшая муха добила американца в принятии правильного решения.

Ясно, что картины были написаны давно. Они совершенно не были похожи на те полотна современной живописи, которые выставляли здесь, на Андреевском спуске. Меня даже ласково обняла за глотку жаба. Не ясно еще, что за ценности мы продаем. А вдруг это находки гениев масла и холста! До сих пор ведь всплывают неизвестные шедевры великих мастеров живописи.

Мужчины коротко обменивались друг с другом репликами. Понятными были лишь отдельные слова.

– Кто автор картин? – серьезно спросил переводчик.

– Честное слово, не знаем. Пылились у бабки на стене, – сказали мы сущую правду.

– Сколько им лет? По внешнему виду, не новодел.

– Разумеется! Может, они ровесники Шишкина! Может это сенсация! Нужна экспертиза! Иногда, вы же знаете, приходят и Шагала и Пикассо...! А вчера по новостям передавали, что нашли Огюста Ренуара.

Услышав эти слова, Коги занервничал.

– Сколько вы хотите за обе картины?

Наглости моей был предел. Разумный.

– Да, всего-то 2000 долларов! Если оптом заберете.

Мужчины посоветались. Степа решительно сказал.

– 500 долларов можем дать. За все.

– Это грабеж среди бела дня! За Шишкина и Айвазовского!.. 1500!

Переводчик тихо что-то сказал американцу.

– 600.

– 1300.

Американец вытащил 800 долларов и протянул нам. 1200 долларов мы ему простили. Из чувства гостеприимности. Чтобы очень плохо не думал о нашей стране.

Переводчик Степа попросил мой телефон.

Когда покупатели скрылись из виду, мы начали прыгать и верещать, как ненормальные.

– Ну, мы, Машка, с тобой даем! Кому рассказать, не поверят! Я и не предполагала, что мы такое с тобой провернем!

– Ха! Мы? Мы пахали...! Ну, да ладно!

Игорю мы отстегнули 200 баксов. Большого он не стоил.

А остальные деньги разделили пополам. Леся вовремя за-

платила хозяйке за квартиру.

Эта история не давала мне покоя. Что мы продали? Какова истинная ценность этих картин? А вдруг это Шишкин или Айвазовский на самом деле? Шанс найти шедевр всегда есть. Один к миллиону! Но, есть.

Я набрала номер Степана.

Он сообщил, что наши картины благополучно добрались до Америки и теперь украшают дом Коги в Калифорнии. Американец перевез их вполне официально.

Киевская контора по вывозу за границу ценностей дала ему справку, что эти полотна никакой ценности для Украины не представляют. Летом Коги вновь прилетит в Киев. Он спрашивает, есть ли у нас еще подобные картины.

Убить узбеков

– Ура, Леша! У меня с утра гениальная идея! Кажется, я знаю, чем буду в Москве заниматься!

– Да? – выдалбливание из вазочки окаменевших остатков сахара прекратилось.

– Все-таки няней решили заделаться? – недоверчиво уставился на меня Леха, обычный киевский мальчишка и друг моей Ленки.

– Какая из меня няня? Детишечек сопливых я не люблю!

И чего я раньше не сообразила! Месяц уже в Москве и торможу! Так низко себя продавать! Няней! С тремя высшими! Только не в прислуги!

Домработницей на Рублевке ты меня представляешь? Глазки в пол. Кроткая, покорная, с чепцом на голове и с пылесосом в руках. Мы не рабы. Рабы не мы!

– Да, вы туда еще и не попадете. Там нужен опыт работы в семьях. Рекомендации. Знать надо vip-гардероб. А за картинами антикварными вы умеете ухаживать?

– Ха! Я знаю, как их продавать!

– Так на какие подвиги вы готовы на этот раз? – иронично спрашивает Леха.

– Я открою здесь правозащитную организацию.

Леха округлил глаза.

– Назову ее «Москва без рабов!» Цель? Защита прав че-

ловека. Защита мигрантов из Узбекистана, Украины и других республик бывшего СССР. Ну, чем я не правозащитник, реформатор! А?

Леша поперхнулся и громко закашлял.

Я похлопала его по спине.

– Смотри! В Москве есть проблема. Рабство. Завуалированное.

Леша уставился на меня, как на сумасшедшую.

– Рабство отменили, а рабы остались.

Нас каждый день, в 6 утра, будят дворники-узбеки. Скребут метлами по асфальту, гремят железом тележки, бьют об нее бутылки. Я звонила в ЖЕК, диспетчеру. Нарушаете, мол, наши права на отдых. Шуметь нельзя с 23-х до 8 утра! Согласно «Закону о шуме». Диспетчер соглашается. А утром все по новой, ты же слышишь!

Узбек с лопатой в 6 утра вместо будильника. И это в Москве! Столице России! Обалдеть!

Подхожу вчера к дворникам. Их трое. Две женщины и один мужчина. Все из Азии. Спрашиваю, почему дворники рано начинают работу? Выясняю, что они вынуждены рано вставать. Иначе не успеют заработать себе денег. Ведь половину работы по уборке дворов они делают бесплатно.

– Как бесплатно? – Леша недоверчиво кривит гримасу. Значит, кто-то забирает их деньги?

– Ясен перец! Кто-то забирает! И я догадываюсь, кто! ЖЕК, скорее всего!

Я предложила им в прокуратуру жалобу написать. Узбеки потупились.

Спрашиваю, тяжело ли им жить в Москве? Обижают вас здесь? Тетки ответили, что очень тяжело. Но, если они пожалуются, то их выгонят. И тогда домой. А дома еще хуже.

Рабы. Обыкновенные рабы современного мира. Бесправные и запуганные!

А наша консьержка Замира? Живет в подъезде, под лестницей. Ты видел, какие там условия? Размеры 1 метр на 2.

Спит она на досках, моется в мисочке, готовит на спиральной плитке, стоящей на табуретке.

Вот пожар-то может быть! Сгорит наш дом! Выпрыгивать будем с 3-го этажа! Прикинь, каково тем, кто на 14-м?

Замира круглосуточно там находится. Ее, как привезли полгода назад из Ферганы, засунули в этот чулан – клетку под лестницу, она и на улицу не выходила. Какая Красная площадь! Она и метро не видела!

– Вы уже с ней познакомились?

– Ну, я не могла пройти мимо. Сидит человек в клетке, кланяется подобострастно всем жильцам, Коран читает. И за это, представляешь, получает всего 6 тысяч рублей. 200 долларов! В Москве! Здесь пенсия минимальная 7 тысяч! И рада подачке. У нее на Родине средняя зарплата составляет 30000 сум, что равняется 27 долларам США. И тут вопрос. Кто обворовывает Замиру?

Наш дом не от ЖЕКа. Это ТСЖ. Значит, в этом товари-

естве собственников жилья тоже есть своя бухгалтерия. И зарплату консьержке начисляет бухгалтер. Но, денег ей никто официально не платит. Эти бабки уходят налево. Кому? Может, участковому в паре с председателем ТСЖ?

За регистрацию в Москве Замира заплатила 2 тысячи рублей. Хотя официально в ФМС это стоит 20 рублей. Замира добрая. Прикинь, она сказала, что даст мне телефон нашего участкового Игоря Валерьевича, если мне нужна регистрация.

– А вы проболтали, что приехали из Украины?

– Ну, да! Так вот, Замира существует за счет пожертвованных жильцов. 250 рублей с квартиры. У нас 14 этажей. По 4 квартиры на каждом. Итого 56 квартир умножаем на 250. Получается 14000 рублей. Но, ей дают на руки всего 6 тысяч рублей.

Где остальные? Где почти 300 долларов? А сколько таких подъездов на нашей улице, в районе, в городе? Сидят ли там узбеки, братья наши?

Рассказала Замира мне, что домой она очень хочет. Там у нее семья, мама, муж Азиз, дочь Наргиз, двухлетняя внучка Шавло. Там у них тепло. Показала даже фотографии всех их.

В Фергане Замира, как она утверждает, работала учительницей истории в медицинском колледже. А потом была завкафедрой этого же учебного заведения. Но, денег живых не получала. У них в стране карточная система, по которой отовариться можно только в продуктовом магазине. А сапожки

внучке так хочется купить! И дом молодым надо строить! Поэтому она и приехала в Москву, на заработки. А вместе с ней и пол Ферганы. В соседнем подъезде работает сторожем бывший директор их медколледжа. А вон в том дворе метет Джамиля, врач по профессии.

Чувствует Замира себя в нашем подъезде, как в тюрьме. Иногда ей звонит ее муж Азиз и они дружно плачут. Коллеги по работе тоже звонили, спрашивали, как она устроилась. Замира не рассказывает им правды, ей стыдно, что живет она в таких условиях.

– Как я вернусь? Что они скажут? Вай-вай! Где ты была, чем занималась, без денег вернулась! – сокрушается 47-летняя узбечка.

Она бы и рада вернуться, но еще не накопила 500 долларов на билет домой.

Я, естественно, проникаюсь состраданием к женщине. Говорю, что ее права человека грубо нарушают. Спрашиваю, где ее паспорт. И узнаю, что его у нее забрали в первый же день по приезду в Москву. Я предложила ей подняться к нам на чай, в душ, обещала по интернету подыскать ей более приличное место.

Какую же толстую шкуру имеет правительство на ее Родине, коль довело народ до такого состояния? Как же низко упал уровень жизни населения Узбекистана, если Москву наводнил мощный поток мигрантов.

Нахожу на сайте «Из рук в руки» объявление «Требуется»

ся няня, строго мусульманка к ребенку с проживанием в отдельной комнате, с питанием. Зарплата 15000 рублей».

Спускаюсь к консьержке. У нее гости. Вместе с ней в чулане сидит еще одна узбечка. Она на спальном месте Замиры. Замира на полу, на подушке от старого дивана. Едят лагман.

Взгляд у гостьи колючий, смотрит она злобно. Замира знакомит нас.

– Это Надира, она уже 3 года в Москве.

Надира подозрительно допытывает, с какой я квартиры, что у меня с регистрацией и нет ли у меня задолженности за оплату консьержки. Мол, она это дело контролирует.

– Вы, очевидно, наш новый участковый? – подкальываю я шуструю узбечку.

Стоя на пороге, протягиваю Замире данные о работе. Ей бы радоваться, но Замира как-то странно себя ведет. Категорически отказывается от моего предложения.

У нее две на то причины. Она не может уйти с этой работы, пока не приедет из Ферганы ее замена. И второе: за этим объявлением угадываются азербайджанцы, которых узбеки боятся, как огня. Те, мол, обращаются с ними, как с рабами, кидают на деньги.

– Вам нужны чужие проблемы? – прерывает мой рассказ Леша. – Вы бы себе регистрацию сделали, вас ведь без нее на работу по профессии нигде не берут! Какая правозащитная организация? Обломаетесь сразу же! Мы не в Америке! Вы думаете, мне не хочется по профессии устроиться? Пси-

хологом. А приходится Тигром в торговом центре работать. За копейки. Кому мы здесь нужны? А Ленка вон подносы разносит, с высшим образованием!

– Нельзя так рассуждать, Леша! Есть закон. Закон у нас хороший! Плохие исполнители! Жить и защищать себя надо по закону.

Звонок в дверь. На пороге консьержка Замира и Надира. Замира растеряна, бледна.

Надира с порога:

– Вы приходил. Кроме вас никого у нас не был. У нас пропал дорогой мобильный телефон. Сейчас буду вызывать участкового Игоря Валерьевича.

Я на секунду немею. Потом беру себя в руки.

– Может, у вас и пианино пропало? Наберите свой телефон!

– Мы не знаем номер!

– Пошли к вам, проверим, где ваш мобильный. Давай-давай! Сейчас милицию вызовем!

– Мы все перетрахнули. Нет там его.

Мы с Лешей вытеснили гостей из квартиры. Надира громко, на весь подъезд, начала кричать, что у нее украли телефон. Тут из лифта вышли обе наши соседки по съемной квартире и с интересом посмотрели на нас с Лешей. Меня обдало жаром. Мы съехали в холл подъезда.

Узбечки и не собирались искать телефон. Они делали вид, что перебирают свои шмотки. Я интуитивно заглянула за де-

ревянное ложе. Там, у плитуса, в коробке лежал мобильный. Он был отключен.

Я вызвала милицию по 02.

Надира стала угрожать участковым и даже дозвонилась ему, жалуясь на то, что я живу без регистрации и, к тому же еще, я вызвала милицию. Участковый сказал ей, что приедет завтра утром. Замира была бледна, расстроена. Стала извиняться, просить за Надиру.

Когда прикатила милиция, Надира стала юлить и оправдываться, что с телефоном произошло недоразумение. Но, вызов был зарегистрирован на 02. Значит, надо отвечать. Нас погрузили в машину и повезли в райотдел.

В дежурной части нам выдали по листу бумаги и велели писать заявления. Надира долго не могла справиться с заданием. Дежурный дал ей совет писать по образцу на стене. Она подошла к дежурному и стала что-то канючить. Майор спросил меня, хочу ли я дать делу ход.

Я взяла бумагу и написала, что произошло недоразумение, конфликт разрешен и реагировать на вызов не надо.

Мне до сих пор не ясно, было ли это недоразумением на самом деле. Или все же узбечка Надира, поднабравшись в Москве горького опыта, пройдя тяготы жизни на чужбине, решила сбить с меня денег. Как, видно, сбивали с нее. Здесь, в Москве.

Об отсутствии у меня регистрации она, очевидно, знала от Замиры. Сфабриковать кражу телефона ума не надо. Запу-

гать меня, приезжую из Украины, своим подельником участковым, вообще сущий пустяк.

Интересно, за какие средства наш участковый катается по району Люблино на «тойоте краун»? Неужели за счет узбеков!

Дешевая рабочая сила в Москве – это уже система. С узбеков, бесправных и в большинстве запуганных, можно иметь постоянный доход. А попробуй заработать на грамотных москвичах!

Москвичи безразличны к труженикам из Азии. Узбек с лопатой за окошком в подъезде, за швейной машинкой в палатке, с мастерком на стройке, бессловесный и безропотный – привычное явление мегаполиса. А что там у него за душой? Какие кипят страсти? На кого он пашет за копейки, никого не интересуется.

Забыли москвичи, а молодежь и не знает, как во время ВОВ те же узбеки давали кров их предкам, спасавшимся в эвакуации. Делились последней миской риса.

Боюсь, что я растормошила осиное гнездо. Узбеки – мигранты – это кормушка для коррумпированных чинов, хорошо налаженная система сверх доходов.

Утром звонок. Участковый Игорь Валерьевич. Просит пояснить, что случилось по краже телефона. Кто у кого телефон украл? Отчитаться – то ему перед начальством надо. Происшествие на его территории.

Ясен перец! Если бы я просто в дежурку заявление сдала,

а входящий номер не спросила, то мое заявление могли бы швырнуть в урну. А тут все зафиксировано.

Леша взволнован.

– Вот вляпались! Что теперь будет? Вы-то журналистка, за себя постоите. А меня, уж точно, с моей липовой регистрацией депортируют назад на Украину.

– Не бойся! Держись всегда уверенно. Это участковый теперь должен нас бояться, а не мы его.

От участкового я вышла с чувством удовлетворенности. Капитан милиции был сдержан, где-то даже скромен и очень напоминал жучка, вверх тормашками. Или зайчика с пристегнутыми к затылку ушами. Это, как себе нафантазировать.

Я вывалила на его голову свое видение проблемы. Репортаж из подъезда, в свете всеобщей московской проблемы. Завуалированное рабство в Москве, бесправное положение узбеков, проблемы коррупции властных структур.

Игорь Валерьевич беспомощно развел руками.

– Москвичи не хотят работать на этих местах, дворниками, дежурными...

– Естественно, на москвичах бабки не просто сделать. Это не забитые и бесправные узбеки!

Участковый, – видно, мордочка в пушку, – даже предложил, если я захочу, уберет консьержек из подъезда.

На прощание капитан попросил сказать Надире, что бы та

явилась к нему.

В чулане сидели обе узбечки. Замира, раба обыкновенная. И Надира, уродливое порождение коррумпированной системы.

Я поздоровалась. Замира подобострастно закивала.

– Надира, тебя Игорь Валерьевич просил срочно зайти к нему. Он тебе за отличную службу даст медаль.

Надира вытаращила глаза.

– Вы уже расхотели помогать узбекам после случая с телефоном? – любопытничает Леша, уплетая московские пирожные, которые Ленка принесла с ресторана. Зачем вам это нужно? Давайте лучше сходим на горку в «Дюссельдорфский» парк.

– Нет! Напротив. Я еще более убедилась в том, что надо открыть организацию «Москва без рабов!»

Рабство – мерзкое явление. Человеческий облик теряет не только раб, но и поработитель.

Пошли на каток.

Когда мы втроем, я, Ленка и Леха, вернулись домой, то увидели кое-какие изменения. В ванной, на полках, где обычно стояли туалетные принадлежности девушек – соседок, теперь была абсолютная пустота. А у двери девчонок ковырялся столяр, вставляя новый замок.

До Берислава далеко?

Этот пассажир отличается от других. Он в костюме золотого цвета, с галстуком и портфелем. Все остальные пассажиры автобуса в куртках, шапках, одеты по – осеннему.

Золотой все время нервно смотрит вперед, на трассу, выглядывая из-за спинки кресла. Потом брезгливо перешагивает через тюки и баулы. Подходит к водителям автобуса и спрашивает: «До Берислава далеко?»

Водители раздраженно велят ему сесть на место и не мешать.

За окнами автобуса звездная ночь. Пассажиры спят. Автобус несется с большой скоростью по ночной трассе.

Золотой пассажир вновь подходит к водителям: «До Берислава далеко? Мы не проедем?»

Водилы зло указывают ему на свое место. И, если он еще раз встанет, его высадят.

Пассажиры храпят и посапывают.

И только я, прикрыв глаза бейсболкой, дремлю в полглаза. На коленях у меня корзина с шестью страусиными яйцами.

Золотой в очередной раз подходит к водителям со словами: «До Берислава далеко?» Визжат тормоза. Слышен шум борьбы. Хлопок двери. И автобус набирает скорость. Пассажиры мирно спят.

Открываю глаза. Золотого нигде нет. Рядом, на переднем

кресле, лежит его портфель.

Вскакиваю с места. Кричу водителям: «вы с ума сошли! Выбросили человека из автобуса! Немедленно остановитесь и вернитесь за пассажиром!»

Водитель зло цедит, что если я не замолчу, то последую туда же!

За окном мелькает указатель населенного пункта Змеевка.

Начинаю набирать по телефону милицию. На счете ноль. По закону подлости.

Девушка-блондинка, с соседнего кресла, перепугано смотрит на меня. Предлагаю ей быть свидетелем. Она еще больше пугается и отворачивается к окну.

Через 20 минут появляется Берислав. Водители идут в автовокзал.

С тяжелым портфелем Золотого я направляюсь следом.

Кроме диспетчера, толстой тетки, пьяного сторожа в резиновых сапогах и наших водителей на вокзале никого из власти нет.

Загаженные мухами часы на стене показывают 2 часа ночи. Кладу портфель на стол диспетчера и прошу вызвать милицию.

– А я причем здесь? – говорит диспетчер.

Набираю сама 02.

Водитель жмет на рычаг телефона. Опять набираю 02. Водитель вырывает трубку и говорит милиционеру: «Не слу-

шайте ее. Вызов ложный».

Диспетчер, толстая тетка, начинает выгонять меня из вокзала. Велит Пете, сторожу выдворить пассажирку за двери автостанции.

Начинаю объяснять ситуации. С Золотым, с его портфелем. Пьяный сторож вытесняет меня за двери. Следом за мной летит портфель Золотого и падает в грязь.

– Может, там документы, деньги? Вызовите милицию. Может, там бомба!

И я вешаю портфель на ручку двери автовокзала.

Портфель с бешеной скоростью летит в кусты.

И тут я вижу, что наш автобус, обдав меня черной копотью, срывается с места. А вместе с ним и моя корзина с яйцами, не родившихся южноафриканских страусов. Яйца я купила за деньги моей тетки из Херсона, для разведения страусиной фермы.

В кармане у меня билет до Херсона. Сама я в каком-то Бериславе.

Где-то в районе Змеевки, на безлюдной трассе, среди хищников, беспомощный пассажир.

На дворе глухая ночь. На вокзале беспредел.

Спрашиваю у таксиста, как дойти до милиции. Спотыкаюсь о что-то тяжелое. Это портфель Золотого. Как вещьдок того, что я не сплю.

Сонный дежурный милиции долго не может понять, чего требует гражданка. Потом вызывает оперативника.

Тот проверяет мой паспорт и спрашивает, кем мне придется потерпевший. Отвечаю уверенно, достойно.

– Никем. Мы не знакомы! Просто пассажир. Мент гримасничает. Не может понять, зачем же я тогда за него хлопочу. Может, мужчина мне понравился?

Сверлю мента колючим взглядом. Объясняю ему, если он не видит здесь преступления, то я его вижу четко. И уверена, что утром это увидит и прокурор Берислава.

Мент дает лист бумаги, писать объяснительную. Заполнять графы с адресом, пропиской, местом работы.

Я сопротивляюсь.

– Какая работа! Человек на трассе!

Ночью. На холоде! Среди волков. Среди разбойников! Тут оперативность нужна! Срочно надо ехать за ним.

Надо сообщить ГАИ, что бы задержали автобус. Там водители, преступившие закон. Там мои яйца страусов!

– Каких еще страусов? Мент смотрит подозрительно, словно психиатр.

Беру себя в руки. Держусь уверенно. Здесь дрогнуть нельзя.

– А вот и его портфель! Пассажира! Может, там документы, деньги.

Мент берет портфель и уносит в другой кабинет.

Я объясняю ему, что я свидетель и портфель надо открывать при мне. Мент нехотя вываливает содержимое портфеля на стол. Бумаги, документы, пачка денег, скрепленная за-

жимом, всякая мелочь.

Мент смотрит в паспорт, читает: Петренко Леонид Степанович, 1980 года рождения.

Я требую срочно ехать на трассу. Мент предлагает оплатить бензин. Я угрожаю прокурором. Мент нехотя вызывает машину.

Дребезжа и подпрыгивая, узик едет по трассе, в сторону Змеевки. Дорога пустынная, кажется бесконечной. И только яркая полная луна улыбается на небосклоне, освещая золотым бликом трассу.

Оперативник начинает вслух сомневаться в том, что Золотой существует в реалии.

– А, если он и был, то его уже там нет. Он уже дома, чай пьет или спит с женой под боком.

Спрашивает, где я работаю.

Отвечаю, что к данному происшествию это не относится.

Мент требует показать еще раз мой паспорт. Даю. Долго листает. Сличает меня с фотографией. Начинает придираться к фамилии. Какое, мол, я отношение имею к Роману Абрамовичу. Отвечаю, что никакого. Что мы даже не однофамильцы. Отдает паспорт назад. Тяжело вздыхает. Смотрит на дорогу. На часы. 3 часа ночи. Потом зевает и велит водителю разворачиваться назад, ехать в отдел. А мне угрожает, что заведет дело по факту ложного вызова.

И тут я вижу в свете луны золотую фигуру, бодро шагающую по трассе.

– Ура! Золотой есть! Вон он! Я была права!

Уазик равняется с Золотым, резко разворачивается и тор-мозит. Мент открывает двери.

– Присаживайтесь, гражданин. Кто вы? Зовут вас как? Куда направляетесь?

– Петренко Леонид Степанович. Новый директор Бериславского завода автоматики. Никогда здесь раньше не был. Вот, заблудился. Спасибо вам.

Золотой устало плюхнулся на сидение, растирая замерзшие руки.

– Гражданке спасибо скажите. Это она панику подняла, и нам сообщила.

Золотой равнодушно глянул на меня и произнес:

– Да, ни к чему все это. Не стоило хлопот.

Менты смеются. Я взбешена.

– Может, вам и ни к чему. Лично на вас мне наплевать. А на факт преступления нет.

Утром я сижу в кабинете начальника милиции.

Подполковник слушает, долго и подозрительно всматриваясь в мое лицо. Потом заверяет, что на обратном пути водители автобуса будут опрошены. А о своем багаже я должна позаботиться сама.

Когда я поднимаюсь с места, начальник милиции поселка Берислава встает и крепко жмет мне руку со словами «Спасибо. Это настоящий мужской поступок».

Корзину с яйцами страусов найти мне не удалось. Да, и к

лучшему. Фермером себя я плохо представляю.

Особо опасная Люба

– Машка! Включи телевизор! Быстро! – В квартиру вбегает Светка-соседка.

В одной руке пульт. В другой – швабра.

На лице палитра чувств. Растерянность. Недоумение. Брови у макушки. Глаза горят.

– Что? Война началась? – закрываю я за ней дверь.

– Любка Малькова выступает! Канал «Сити»! Уже блондинкой стала, вот, б...!

Я включаю телевизор. И мы со Светкой двумя любопытными носами прирастаем к экрану.

В телевизоре Люба.

Кабинет. Кожаное кресло. Статуя Фемиды.

На глазах повязка. В руках весы, для взятки. Все, как и положено в обычной адвокатской конторе.

Фемида на столе. За столом Люба.

Когда-то она была моей близкой подругой. Медицинская сестра в прошлом. Разрекламированный адвокат в настоящем.

Об этом гордо заявляют растяжки на Крещатике: «Любовь Малькова – адвокат!»

Кокетливые локоны, декольте с пышным бюстом. Жеманная. Улыбчивая.

– Это что ж она так сиськи оголила? Кто же к такому ад-

вокату пойдет? – возмущается до потери пульса Светка.

– А говорок-то, слышь? Не спрятать ни за какими дипломами! – это уже язвлю я.

Люба дает населению города Киева простые советы. Куда идти жаловаться, если, например, на дороге открытый канализационный люк или яма.

И тут же на экране появляется реклама – телефоны ее адвокатской конторы.

– Ишь, ты! Вот тебе и Люба! Поставила цель – завоевать Киев! Завоевала! – Светка не скрывает восторга вперемешку с досадой.

А мы, дуры, все чай гоняем!

– Нашла чему завидовать! Жалеть ее надо!

– Зато денег нагрэбла! Внукам хватит!

– Самое удивительное, что она даже не догадывается, о том, что преступает закон.

– Очень даже догадывается. И дружит с людьми из власти! И Светка шепотом называет фамилии первых лиц страны.

– Да ты что!

– Надо Ольге сказать. Пусть сходит. Может, Люба поможет ей вернуть квартиру.

– Какой Ольге?

– Той, что в аферу с «Кинг-Капиталом» попала.

– А! Этой! Хрен ей кто теперь поможет! Это ж надо быть такой тупой! Взять 150 тысяч долларов в банке под свою квартиру и отдать незнакомой тете.

– Ну и Люба! Смогла же! Талант!

– Не удивительно. На теле нашего больного общества могла вырасти только такая бледная спирохета! – резюмирую я, наливая кипяток в чашки с заваркой.

И мы продолжаем слушать советы нашей бывшей подружки.

Люба появилась в моей жизни неожиданно. Сметая все на своем пути. Тайфун по имени Люба.

Мы тогда временно жили в Н... Херсонской области.

Купили роскошную квартиру в центре. Мои дети ходили в школу. И вдруг начали носить записки от медсестры. Медсестра настойчиво звонила домой.

Предлог? Сделать прививки детям. Я запрещала делать прививки.

И тут меня, жену киевского бизнесмена, вызывает в школу эта медсестра! На ковер. В ультимативной форме.

Завтра в 9.00 и ни минутой позже. Явка строго обязательна! Иначе, детей исключат из школы.

Ничего себе заявочки! И от кого! Ни директор, ни учитель. А обычная школьная медсестра!

Я взбеленилась.

Решительно направляюсь в школу, с целью поставить на место лихую медичку.

На разбитой вдребезги вывеске еле читается «Но...ая средняя школа».

Видно, саданули деточки кирпичом. Осколки стекла в ры-

жей пыли.

Иду по коридору. Шум. Стертый линолеум. Я взволнована, но уверена в своей правоте.

Читаю блеклые таблички на дверях – «Завуч», «Директор».

Навстречу идет серая моль в светлом халате.

Я гневно.

– Вы медсестра? Я вас под суд отдам! Что это за шантаж!
Я вам запретила делать прививки детям.

Серая моль, заикаясь.

– Я...я у-у-у-борщица здесь.

– Простите.

Иду дальше. Останавливаюсь перед кабинетом с новой дверью и золотой табличкой «Медсестра Малькова».

– Ничего себе!

Набираю в легкие воздух, чуть открываю дверь и... смело, без стука вхожу.

Кабинет медсестры. Кресло кожаное. Хороший ремонт. Красивая мебель.

За столом она. Копия той, что в «Масках-шоу» с Делиевым.

Эвелина Бледанс!

Халатик белоснежный. Выпирающий бюст. Шапочка с красным крестом. Только волосы пшеничные. Глаза внимательные. Мягкие. Какие-то обволакивающие. Колдовские. Я молчу в недоумении. Челюсть отвисла.

Медсестра встает со своего кресла во весь рост. Метр 85. Стройная, как модель. Короткий халатик оголяет длиннющие ноги.

Она широко и радостно улыбается мне, как старой знакомой.

– Я Люба. Как я рада вас видеть, Мария! Простите, что не по отчеству. Вам оно ни к чему. Вы так молодо выглядите!

Я язвительно.

– А как я рада, вы бы знали...! Ваши звонки не дают мне покоя. Давайте раз и навсегда решим эту проблему. Прививки не будет. Я же вам сказала. Запрещаю. Не хочу. Имею право.

Люба не прерывает. Молча слушает. Потом включает электрочайник. Достает красивые чашки из шкафа. Ошпаривает их со всех сторон кипятком. Наливает пахучего чая.

– Вы любите чай с мелиссой?

Обнимает меня своими колдовскими глазами...

Через 15 минут я, спокойная и умиротворенная, выхожу из кабинета. Разрешение на прививки я дала.

Медсестра Люба провожает меня, держа за локоток. Выясняется, что мы с ней живем в одном доме. В разных подъездах.

Я приглашаю Любу в гости, на чай. Та соглашается. И мы расстаемся, как близкие подруги.

У выхода я оглядываюсь на Любу. Но, вместо нее вижу большую черную кошку под дверью. Кошка смотрит на меня

хищным взором.

Я засматриваюсь, падаю, ломаю ногу.

Я лежу в больнице. На вытянутой ноге гипс. А у меня дома Люба. Пришла на чай. В мое отсутствие.

Об этом я узнаю от своего мужа. По телефону. Я злюсь, возмущаюсь. А мой муж доволен.

– Что она там делает без меня?

– Меня веселит. Она такая приятная собеседница. Пирог с яблоками печет.

– Где печет?

– У нас.

– Гони ее... в шею!

– Ты же ее сама пригласила?!

– Но я ее к себе пригласила, а не к тебе. Ну, ты..!

Я бросаю трубку. Вскрываю с койки. Ой! Нога в гипсе! Я падаю на постель.

– Вот тебе и школьная медсестра! Змеюка!

Заходит больничная медсестра Зина со шприцом.

– Что случилось? Кто у нас змеюка?

– Да, так.

– Это вы о школьной медсестре Любочке?

– А вы откуда знаете?

– Знаем мы ее. Шустрая! Детдомовская. Поэтому и такая.

Деньги делает на всем.

– На чем, например?

– Ну, на абортах.

– На каких абортах?

– Посредник между врачом и бабами. Пирогги – это только цветочки!

Я в растерянности.

– А что же теперь делать?

– Выздоровливать.

Зина делает мне укол и идет из палаты. Я достаю мобильник.

– Але! Справочная? Пожалуйста, школу номер 1! Кабинет медсестры.

Нет данных?

Я молча лежу. Думаю. Потом достаю блокнот, пишу текст:

Школа номер 1. Медсестре. «Дорогая Люба! Спасибо за заботу о нашей семье. Больше в ваших услугах мы не нуждаемся».

Костылем открываю дверь палаты, жду. Мимо, по коридору, идут две девченки-подростки.

– Девочки!

Я зову их к себе. Даю текст телеграммы и деньги.

Беру цветы, подаренные мужем, выбрасываю из окна палаты.

Стук в дверь. Люба. Широкая и обезоруживающая улыбка. Будто обнимает сладким взглядом. Голос приторно ласковый.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.